

ГАДКИЙ УТЁНОК

ГЛАВА 1

Торжественно клянусь,
что замышляю только шалость.

Гарри Поттер

«Леди и джентльмены! Дамы и господа!

Рады приветствовать вас, на этом грандиозном событии! Здесь звёзды блистают запоминающе ярче! Этот вечер полон незабываемых талантов и наполнен блеском и роскошью!

Добро пожаловать!» – голос ведущего звучал торжественно и величественно.

Тала повернулась к светящемуся экрану. По красной дорожке поднимались яркие представители мира искусства, моды и шоу – бизнеса. Движение на экране всегда забирает внимание, даже в отсутствие звука. Тала устроилась у журнального столика с чашечкой кофе и всматривалась в шедших к символу блеска и успешности.

Вот она – красная дорожка!

Тала невольно стала поднимающихся к подиуму славы, раскладывая по своему видению. Первыми появились нарциссные павлины. Их шлейфы захватили приличный ломоть. Они поднимались по красной дорожке с откровенной самовлюблённостью, их краски недосягаемости вышли из отведённых им берегов. Это те, чей талант испорчен и избалован их же талантом.

Тала примагнитилась к экрану по красной дорожке поднимались любимые режиссёры и актёры, её охватила гордость за заслуженных представителей фестиваля. Это были шлейфы достойных лебедей! Лебеди распускают крылья своего талантливого счастья. Сдержанны. Скромны. Покрывают присутствующих теплой и милой улыбкой.

«Люблю режиссёров, которые не утяжеляют сценарий сексом и показом голых баб и мужиков. Зачем мне на голых смотреть, я что, не знаю, что у них ТАМ под юбкой аль в штанах?» – с откровенной

усмешкой возмущалась Тала.

А ещё, она отметила, как бурно рукоплещут посредственности – курам и воробьям.

Мишура напыщенной убеждённости в своей исключительности им кажется золотом.

Талант и разум мысли побеждают! Побеждают, если это талант! А в сущей посредственности «талант» мирно и спокойно спит.

Вообще-то, гениальность и талант не идут под ручку с добротой и благочестивостью. Наши нейросвязи переполнены взрывами идей гениальности и им совсем некогда контролировать поведение, эмоции и натуру чувств.

«А у меня какой шлейф?» – спросила Тала себя.

Предательская рябь нервозности настигла её волнами.

«Мой шлейф гадкого утёнка, который останется в моём сознании навсегда».

Тала жила в многодетной семье среднего достатка. Была поскрёбшiem, как говорила мама о своём последнем ребёнке. Все знают, что на самого маленького выпадает тепло, ласка и любовь. Но Тале этого не досталось. Родители работали, у старших сестёр была своя жизнь, а вот средней сестре выпало смотреть и воспитывать меньшую. Эта нагрузка была не по душе средней, и в воспитании самой младшей она оторвалась по полной.

Девочки, внешне были очень привлекательны. Они имели каштановый цвет волос, и этот пигмент не нуждался в оттенении. А средняя сестра, в руки которой досталась Тала, была необыкновенной красавицей: глаза, как два изумруда – зелёные, цвет лица – карамельно – персиковый, волосы густые, волнистые, а четко очерченные губы цвета сочного граната, приковывали взгляды.

Вот кого надо было назвать Талой. Это имя в переводе, означает – «красивая и независимая». А называли так рыженькую, конопатенькую, худенькую и где-то угловатенькую, совсем не вписывающуюся, в «экстерьер» сестёр. И в этом симпатичном «выводке» сестёр, Тала заняла место «гадкого утёнка».

На её лице только глаза играли красотой выразительности и отражали все чувства грусти и печали. Черные, как смородинки, глаза

Талы – были говорящими, они при обедах наполнялись слезами, при радости искрились, как два уголька.

Тала родилась спокойным ребёнком. Когда её мама ждала четвёртого, никто не верил, что она беременна, фигура не выдавала никаких изменений. Роды прошли легко, и ребёнок рос спокойным. Спала, как ласточка, засыпала, повернувшись на бочок со сложенными ручками под щёчкой, и просыпалась так.

Средняя сестра Лиля, росла неугомонной выдумщицей. Она очень много читала и буйствовала в своих фантазиях. Прочитав О. Генри, вообразила себя вождем краснокожих. Для завершения облика «вождя», она вырвала из жопы гуся перья, привязала их у себя на голове и с криками: «Ууу-ооо-лёлё!», носилась по двору. Взрывы подросткового возраста не давали ей покоя. Лилия схватила подопечную Талочку, поставила её перед собой и начала сажать ей на голову жуков-стригунов. Можно представить стресс ребёнка, когда в волосы цепляют этих чёрных пятисантиметровых монстров и приказывают молчать. От одного вида этих длинноусых чудовищ любой человек испытает жуть и оторопь.

Но «вождь краснокожих» не испытывала никаких ужасных кошмаров, с перьями на голове и вымазанными щеками сажёй стояла важная и крутая. Но до чёртиков смешная и озорная.

Лилия не могла смириться, что их сестрёнка родилась рыжухой. И надеялась, что жуки-стригуны обработают эту противную ей рыжину. Чёрные длинноусые жуки парализовали страхом маленькую девочку. Она, бледная с дрожащими губами, стала кричать.

Выбежала мама. Увидев ребёнка, размахивающего ручонками, сразу не могла понять, что же случилось. Лилия стояла перед ней, резко размахивая, приказывая молчать и терпеть.

– Ты что делаешь? – мама увидела огромных чёрных тараканов на голове беззащитного ребёнка.

– Я хочу, чтобы стригуны съели её рыжие волосы.

– Ты с ума сошла? Отойди от неё! Мать подбежала и быстро убрала жуков. Тала резко замолчала, побледнела, закрыла глаза и стала падать. Мама подхватила упавшего в обморок ребёнка и унесла домой. А «вождь краснокожих», чумакая и грязная, с криками «Вперёд! Отступаем!» бегала по двору.

За этот поступок Лиля отделалась нравоучениями. А надо бы задать хорошей трёпки, но девочек родители никогда не били, только ругали, но не наказывали. Эта философия воспитания отразилась на отношениях. Сёстры стали друг для друга очень близкими и родными. А Лилия с Талой в будущем стали неразлучны в своей любви к друг другу и по-настоящему надёжными, и верными.

Это наступит позже, а сейчас её темперамент сносил волной буйства. Лилия всегда знала, что её бить не будут, и была вольна в своих проделках. В очередной раз она надумала Талу представить Зоей Космодемьянской. Сама вырядилась в военную экипировку, палку (автомат) повесила на плечо. Надела на себя серьёзное лицо с чёртиками в глазах. И с криками «Хайль Гитлер!» поставила Талу в яму, подготовленную для саженцев, и стала закапывать. Закопала Талу до подбородка.

– Терпи! Ты Зоя Космодемьянская! – и смотрела на неё, пока у Талочки не посинели губы. Потом раскопала и подожгла на ней крепдешиновое платьице.

– Тихо! Тихо! Терпи! – и стала на ней тушить огонь. Огонь удалось потушить быстро. Этой проделки никто не видел и никаких наказаний не последовало.

А Талочка, этот рыжик с черными глазёнками, смотрела на неё, во всём повинаясь и не переча. Тала терпела своё положение гадкого утёнка. Не любимого, не принятого, не пригретого. Эта стрессовая напряжённость глубоко проникала в неё, мир каждого человека формируется в первые годы и отражает суть формирования по жизни.

Тала росла послушной, но временами истерики настигали её. В садике она была беспокойной. Там много детей и ей казалось, что все её будут обижать, как Лилия. Она плакала и звала маму, хотела быстрее домой. Биосистема её организма не выдержала и наградила педикулёзом. Вшивостью. Откуда вши в чистом доме? Талу стригли налысо, а «гости» возвращались и возвращались. И она постоянно ходила лысая.

Однажды вошь выползла на бровь. Лилия увидела и как закричит:

– Вша. Ты вшивая. Я тебя ненавижу. Ложись под машину, пусть тебя задавит.

Талочка беспрекословно пошла к стоявшей машине и легла под колёса. Отец услышал крик и выскочил.

– Талочка, доченька!

Тала стояла перед отцом с распахнутыми влажными глазами, наполненными тревожной болью:

– Лиля сказала лечь, чтобы меня задавило.

Отец в ярости схватил Лилю и отправил на чердак.

– Будешь спать на чердаке. Пусть хоть раз тебе будет так же страшно, как твоей сестре.

Тала боялась Лилю, она её не била, а с сильной нервозностью замахивалась, чтобы ударить. Эти моменты Тала долго помнила и содрогалась, вспоминая ураганный наплыв страха, внутри всё срывалось от взмаха руки. Губы дрожали, как у маленьких детей, готовых заплакать. И Тала, готова была заплакать, но страх побеждал, и она терпела. Взмах на удар передавал импульс внезапности, пронзённый пугающим испугом. Всё сжималось внутри и леденело. Найти разницу между взмахом и самым ударом нелепо – её нет.

«Замахнулся – ударь! Отмерил – отрежь!» Так думала Тала уже во взрослом возрасте. И жила по этому принципу. В ней проявлялись нервозность, неуравновешенность. И гадкий утёнок вытеснил врождённое спокойствие и стал измучен напряжённым психозом отголосков детства. Воспоминания всплывали в памяти и проникали в сознание, как игла, попадающая в нерв, внезапно пронзающая, резкой болью.

В детстве Талы было много болезненного и унижительного. Когда ей твердили – ты некрасивая и глупая, это укоренялось в ней, как сорняк, прорастало где пожелает и сорняки вытесняли желанное и любимое. Сорняки задавили в Тале её вдумчивую суть. Её жизнь насаждалась истеричными всплесками. Её резкость, грубость, как острый сорняк, не терпящий препятствий, врезались и возвращались к ней – «её же салом по её мусалам». А порой она была до неприличия откровенна и начинала зашаркивать примитивными комплементами, желанием сказать много хорошего. Но не всегда это получалось, зачастую отдавало приторной сладостью. Тала ничего не могла с этим сделать – это были издержки детства, издержки воспитания.